

ЗЕМЛЯКИ

ГУМЕТ АЛИЕВ

Наш земляк Гумет Алиевич АЛИЕВ – доктор культурологии, профессор, лауреат Государственной премии Правительства РФ. Автор двух монографий и множества научных публикаций. Вот что сам он рассказывает о себе: «Родился я в 1952-м в городе Мары тогдашней Туркменской ССР, куда мой отец, Алиев Али Гумбат оглу, врач по профессии, был направлен по распределению. Десять лет спустя наша семья вернулась в Баку, где моя мама, Шукуфа Алекперовна Исмаилова сразу же определила меня в Бакинское хореографическое училище. По окончании училища я стал артистом балета в Государственном Академическом театре оперы и балета им. М.Ф.Ахундова. Позже с отличием окончил балетмейстерский факультет ГИТИС-а по специальности «педагог-хореограф», потом были годы аспирантуры в том же ГИТИС-е... До 1990 года работал педагогом-хореографом в Бакинском хореографическом училище. В Москве я оказался в 1990-м, в сложные времена Народного Фронта, с политикой которого, в частности, в отношении национальной профессиональной хореографии, я никак не мог согласиться... Работал педагогом и методистом, а также заместителем декана балетмейстерского факультета все того же ГИТИС-а (ныне «Российской академии театрального искусства»), с 1994-го по 2009-й был проректором по административно-хозяйственной работе. В 1999 получил еще одно образование в Российской академии государственной службы при Президенте РФ по специальности «юриспруденция». Являюсь председателем правления «Клуба выпускников ГИТИС-а». В последние годы – педагог «Школы-студии при Государственном ансамбле имени Игоря Моисеева. В настоящее время нахожусь на пенсии. Рассказ «Лали» – моя первая проба пера. Откровенно говоря, писал его для себя и друзей, ведь до пандемии я, кроме научных статей и монографий, ничего не писал. Признателен своему многолетнему другу, режиссеру Олегу Сафаралиеву, за рекомендацию отписать рассказ в «Литературный Азербайджан» – сам я бы до этого не додумался... Есть желание продолжать писать, если возникнет интересная идея. Пока что размышляю, коплю силы...»

Лали

– Мне скоро будет восемьдесят три года, а твоя мать упрямо твердит, что я здорова, – обратилась Лали к внучке. Эмма мягко возразила:

– Бабуля, я тебе уже говорила и говорю, что здоровье не определяется возрастом. Ты просто немного приболела. Отлежишься, возьмешь опять свою любимую трость и будешь гулять, сколько захочешь.

– Не надо меня успокаивать. Слушай меня! Ты еще молодая меня учить. Когда я умру, кремируйте меня, пепел насыпьте в коробку и поставьте вон туда, на верхнюю полку шкафа. Поняла?..

У Эммы перехватило дыхание:

– Зачем?

– Хочу послушать, что вы тут говорите без меня!

Лали лежала на диване, укрывшись клетчатым пледом, и смотрела в потолок. Руки безвольно лежали поверх пледа.

– Они все равно сделают по-своему, не послушают меня, – Лали перевела строгий взгляд на внучку. – Ты им, когда я умру, скажи, что я так хотела. Мама тебе поверит.

Эмма, поправляя подушку, твердо сказала:

– Прекрати говорить о смерти, накликаешь! Ты у нас сильная и бодрая. Чаю хочешь?

Через несколько дней Лали почувствовала себя плохо. Пропал аппетит. Лали осунулась и начала худеть. Семейный врач настоял на срочной госпитализации, рекомендовал провести тщательное медицинское обследование.

Лали привезли в центральную больницу Москвы. Разместили в одноместной палате платного отделения. Семья жила в достатке благодаря деловитости и изобретательности Наны, старшей дочери Лали. У Лали был также сын Тамаз, младше Наны на семь лет. Тамаз окончил школу в Грузии и больше нигде не учился и никогда не работал, а находился на иждивении своей сестры, был у Наны «под рукой». Центром внимания в семье была Лали, которая чувствовала себя солнцем, вокруг которого вращались планеты. Лали должна была знать все, что происходит в доме. Домочадцы беспрекословно подчинялись властному характеру Лали и нежно любили ее.

Врачи дали неутешительный диагноз – онкология. Нана с Тамазом вернулись от врача в палату. Лали лежала с закрытыми глазами и, не открывая их, металлическим голосом отчеканила:

– Похороните меня в Грузии, где я родилась. Я должна знать до того, как уйду туда, где я буду лежать.

– Мама, тебе сделают ... – Нана попыталась перевести разговор в другое русло, но Лали, словно не слыша ее, перешла на грузинский язык:

– Вы так сейчас зашли, как будто я уже умерла. Тамаз, лети в Грузию, подбери место, где я буду лежать. Поторопись, сынок.

– Хорошо, мама. Тамазик сегодня же полетит, – быстро согласилась Нана.

Тамаз поцеловал матери руку и удалился. На следующий день он позвонил Нане и сообщил, что на кладбище трудно найти место, которое соответствовало бы пожеланиям мамы.

– Нана, я только что познакомился здесь с новым другом! Он меня понял и показал очень красивое место, правда, дорого. Маме понравится, я знаю ее вкус. Братъ? У меня через три часа самолет, – с волнением кричал в телефон Тамаз.

– А вдруг ей не понравится, ты же ее знаешь! – забеспокоилась Нана.

– Друг говорит, это самое лучшее место на этом кладбище

– Хорошо, оплачивай и вылетай. Целую! – Нана облегченно вздохнула и отправилась в больницу подменить Эмму, пятнадцатилетнюю дочь Тамаза, дежурившую в больнице всю ночь.

Перед дверью в палату Нана остановилась, прислонилась к стене. Комок подкатил к горлу. По коридору проходил мужчина в спортивном костюме, в тапочках, с перевязанным правым глазом. Он остановился и сочувственно заговорил:

– Здесь, должен заметить, все болеют! Здоровых тут нет. Может, только врачи, извините. Бессмертия нет, уверяю вас!

Мужчина шагнул в сторону Наны, сверля ее одним глазом:

– Хотите, прочитаю мои лирические стихи?

– Спасибо, как-нибудь в следующий раз

Нана промокнула лицо салфеткой, проскользнула мимо мужчины. Открыла дверь и тихо вошла в палату. Лали лежала и листала модный журнал.

– Мама, здравствуй! – Нана подошла и поцеловала Лали в лоб. – Как ты себя чувствуешь? Утром я разговаривала с врачом, он сказал, есть небольшое улучшение.

– Тамаз прилетел? Врач врет! Так же, как вчера врал мне. Знаешь, как ходит, гадюка, тихо? Никогда не слышу, как он подошел! Ему самому, наверное, легче, а мне нет, – Лали сняла очки, – потрогай, какие руки холодные.

– Давай я согрею твои руки. Журнал надо убрать, а руки согреть под одеялом. Вот так.

– У тебя руки еще холоднее, как у лягушки. Журнал не убирай! Там красивые фасоны! Нана, я должна знать, в чем вы меня будете хоронить? Вам все равно, а мне нет. Все, кого в моей деревне хоронили, были красиво одеты. А я к ним приду в старом платье?..

– Мама, об этом рано еще говорить. Дай бог тебе здоровья!

– Купите и покажите мне, чтобы я знала, в чем приду туда, – раздраженно отрезала Лали.

Зазвенел телефон Наны мелодией «Ваше благородие, госпожа удача». Лали брезгливо поморщилась. Звонил Тамаз: самолет приземлился, и он едет на такси в больницу. Нана ласково обратилась к матери:

– Мама, не переживай, все сделаем, как ты хочешь. Видишь, Тамазик быстро все выполнил, договорился о месте, как ты просила. Скоро придет и все расскажет.

– Оч-че-нь приятно, – сквозь зубы проговорила Лали. Закрывает глаза, указывая, что устала, и разговор окончен. Нана тихо вышла из палаты, ей надо было сделать несколько важных звонков по работе.

Тамаз появился с торжественным видом, с чувством исполненного долга и с коробкой в руках. Нана разговаривала по телефону, косясь на подошедшего брата, а закончив разговор, заметила:

– У тебя такой вид, как будто ты не на кладбище ездил, а на свадьбу нового друга.

– Анзор отвез меня в аэропорт и просил передать от его семьи хачапури. Бабушка Анзора приготовила специально для мамы. Он настоящий друг!

– Тамаз, ты в своем уме? Будешь маме хачапури предлагать, когда она только воду пьет. Пока тебя не было, Эмма мне рассказала, что за несколько дней до того, как попасть в больницу, мама просила, чтобы ее кремировали и пепел в коробке поставили на полку шкафа в комнате! Я как только представила себе эту картину, мне прямо плохо стало!

– Я что, зря летал и договаривался о месте? – возмутился Тамаз.

– Успокойся, мама уже забыла об этом, раз отправила тебя в Грузию. Думаю, просто пугала нас.

Неожиданно в коридоре вновь появился мужчина с перевязанным глазом. Остановился напротив Наны. Игнорируя Тамаза, таинственно произнес:

– Один идет прямым путем, другой идет по кругу, как писала Ахматова. Могу предложить вам собственные стихи?

Нана, не мешкая, взяла Тамаза под руку, поворачивая его в сторону двери палаты. Тамаз, высвобождая руку, перешел на грузинский язык:

– Да... И где ты их только находишь? Слава Богу, мама не слышит!

С этими словами Тамаз открыл дверь, и они с Наной вошли в палату. Мама лежала с закрытыми глазами. Дети в нерешительности остановились около двери.

– Рассказывай! – не открывая глаз, приказала Лали. Тамаз поспешно подошел к кровати и поцеловал руку матери. Он всегда целовал маме руки. Лали открыла глаза и удивленно спросила: – Хачапури привез?

– Да, мама! Не знаю, тебе можно?

– Дай попробовать, – мягко попросила Лали.

Тамаз победоносно посмотрел на оторопевшую сестру.

Пока Лали ела хачапури, все молчали. Лицо матери просветлело, ела она с удовольствием, словно и не болела. Улыбнувшись, Лали вновь обратилась к сыну:

– Немного недосолили! Рассказывай!

Тамаз подробно поведал о месте будущего захоронения, не забыв упомянуть нового друга Анзора. Мама слушала без эмоций, глядя на Тамаза, и, когда он закончил, спросила:

– Рядом с кем я буду лежать?

– Мама, клянусь тобой, не знаю.
– Тебе все равно, с кем рядом будет лежать твоя мать?! – возмутилась Лали.
– Мама, я не знал, что это важно. Сейчас узнаю, – с этими словами Тамаз набрал номер телефона. – Сейчас позвоню Анзору и спрошу у него.
– Привет! Как ты себя чувствуешь, Анзор? Я долетел хорошо. Спасибо, хачапури маме понравились. Как здоровье твоей бабушки? Передай ей привет от всех нас. Как у тебя дома, как дети, как жена? – прикрыв телефон рукой, Тамаз шепотом пояснил: – Его жена опять беременна.
– Боюсь, я не успею узнать... – Лали закатила глаза и печально посмотрела на Нану, которая уже делала знаки Тамазу, чтобы он не затягивал.
– Анзор, тут меня мама торопит, боится, не успеет узнать, поэтому я сразу у тебя хочу спросить: ты сейчас на кладбище? Что? Прерывается!.. Хорошо, что ты на кладбище! Мама хочет знать, рядом с кем ее могила, кто захоронен справа и слева? – Тамаз, убрав телефон за спину, многозначительно сказал:
– Он понимает, что вопрос тонкий, сейчас пройдет и посмотрит. – И снова в телефон: – Да, да, я слушаю... Как? Лобадзе Нино? – Тамаз посмотрел на мать и сник. Лицо Лали исказилось в гневной гримасе:
– Рядом с этой проституткой я лежать никогда не буду! Если похороните рядом с ней – прокляну!..
– Мама, ты что, ее знаешь? – удивилась Нана.
– Ее все знают. Не успела мужа похоронить, уехала в город и без брака жила с каким-то учителем пения. Бесстыдница! – убежденная в распутстве такого поступка, возмутилась Лали.
Тамаз сидел на стуле, свесив голову. Нана была в замешательстве – что делать? Паузу нарушила Лали, обращаясь к сыну:
– Тебе надо полететь и выбрать нормальное место. Твой друг Анзор ничего не понимает. Опозорить меня хотите?!
Тамаз обреченно поднялся со стула и посмотрел вопросительно на сестру.
– Тамазик, надо ехать. Мама нервничает, а ей нельзя сейчас переживать. Пусть Анзор за эти деньги другое место подберет.
– Только не внизу, где сырость, – вставила Лали.
Тамаз поцеловал матери руку, попрощался с Наной и ушел.
Так случилось, что Тамазу пришлось слетать в Грузию и в третий раз. За это время произошло, по мнению врачей, настоящее чудо: Лали стала чувствовать себя настолько хорошо, что ее выписали из больницы. По случаю такого радостного события вся семья собралась в доме. Лали царственно восседала на диване.
– Теперь покажите мне, в чем вы хотели меня хоронить? – настойчиво обратилась к родным Лали
– Мама, к чему теперь этот разговор? Слава богу, ты выздоровела, прекрасно выглядишь, – робко возразила Нана.
– Но вы же думали, что я умру? Неужели вы ничего не купили заранее? Показывайте! – тон мамы не допускал возражений.
Нана, предвидя, чем может закончиться разбор купленной одежды для похорон, спешно заявила:
– Мама, этим занимался Тамазик, он знает твой вкус. Я весь день на работе.
Тамаз вышел из комнаты и вернулся с большим пакетом, на котором была изображена модель, рекламирующая нижнее белье.
– Здесь все, как ты просила, – с этими словами Тамаз вывалил содержимое пакета на диван.
– У вас никогда голова не работала – посмотри, в какой пакет ты положил вещи для похорон! Я что тебе, девочка?.. Замуж выхожу?.. В этот пакет приданое для своей дочери положишь! – отчитала сына Лали, перебирая и ощупывая вещи.

– Спасибо, бабуля! Предлагаешь положить мое приданое в пакет, где лежали вещи для похорон? – скороговоркой вставила Эмма.

– Покрывало надо поменять на черный цвет, – заявила Лали, отбросив покрывало сыну.

Тамаз посмотрел по сторонам, ища взглядом поддержку у сестры:

– Мама, ты три месяца тому назад просила купить тебе покрывало красного цвета! Я тебя отговаривал. Хорошо, что в магазине работает жена моего друга. Она сказала, что для похорон лучше темное, но если мама хочет, то бери красное. Через месяц ты захотела поменять красное покрывало на белое. Мне стыдно перед другом! Я сказал, что ты еще жива и хочешь поменять красное покрывало на белое, но не смог объяснить, почему. Продавец, наверное, подумала, что ты хочешь, чтобы тебя похоронили, как невесту, но стесняешься сказать. Как я теперь опять приду в магазин, чтобы снова менять белое покрывало на черное?.. Мне стыдно! Они ведь думают, что за это время ты точно уже умерла... – Тамаз нервно ходил туда-сюда вдоль дивана.

– Что ты ходишь, как часовой? С кладбищем договорился, и с покрывалом договоришься. Тебе стыдно перед другом, что мать еще жива?

Говоря это, Лали продолжала перебирать и ощупывать вещи. Неожиданно взяла трость, прислоненную к дивану, подцепила и подняла вверх туфлю. Наступила угрожающая тишина. Лали долго разглядывала туфлю. Тяжело вздохнула и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Я такие туфли даже у нас в деревне не носила!

– Мама, это хорошие туфли! Будут в тон, черное покрывало и черные туфли, – не выдержала Нана.

– Не болтай! Туфли старомодные, каблука нет.

– Мама, зачем тебе там каблук?! Танцевать собираешься? Там даже пешком не ходят!.. – терпение Тамаза было на исходе.

– Ты там был? – резонно спросила Лали. И продолжила: – Кстати, и мобильник должен быть там со мной, на всякий случай...

Тамаз подскочил и выпалил:

– Мама, а если батарейка сядет, что будешь делать?

Лали ледяным тоном, смотря мимо Тамаза, продолжила:

– Пока не забыла, и деньги мне с собой положите.

– Бабуля, извини, что я вмешиваюсь в разговор старших, но хочу тебя спросить. Ты там хочешь что-то купить? Сколько надо положить? – пришла на выручку Эмма.

– Я не знаю. Никто не знает, что там есть, а чего нет. На всякий случай положите. Сколько?.. Сколько твоей маме не жалко, столько и положите. Телефон около головы не кладите!

Наступила короткая пауза, которую нарушила Лали:

– Что? Не поняла, а где смена белья?

– Хочешь там переодеться? – задохнулся Тамаз

– Я устала, хочу отдохнуть, – вяло сказала Лали, закрыв глаза.

Все вышли из комнаты. Сели на кухне. Тягостную тишину нарушил младший сын Тамаза Дато, твердо обратившись к Нане:

– Тетя Нана, если ты будешь умирать так же, как бабуля, с просьбами, по-жалуй-ста, обращайся к Эмме!

...Через несколько дней Лали похоронили в точности, как она завещала.

Москва - 2021